

УДК 94/93

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-2-286-296

**РАЗВИТИЕ ВЕКСЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА МАГИСТРАТОВ
КУРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА)**

**THE DEVELOPMENT OF BILL OF EXCHANGE LAW IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN XVIII CENTURY (BY MATERIALS OF MAGISTRATES' OFFICE WORK
OF THE KURSK REGION)**

**И.С. Ефремова, А.Н. Мошкин
I.S. Efremova, A.N. Moshkin**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: efremova.i.s2012@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности становления вексельного права в Российской империи в XVIII в. Историография по заданной тематике достаточно обширна, однако круг рассматриваемых вопросов ограничивается анализом законодательства. Целью настоящей работы является восполнение лакуны о региональных особенностях операций с векселями. На конкретных примерах описывается порядок следственного процесса, указывается состав участников и бытовые обстоятельства сделок. При этом акцентируется внимание на роли магистратов, деятельность которых выходила далеко за рамки вынесения приговоров. Посредством анализа судебной практики курских магистратов выявляется прямая зависимость между масштабом применения безналичных расчетов и уровнем развития коммерческих отношений. Сопоставление общеимперских норм права и характера правоприменения приводят к выводу о прецедентном характере решений имперских судов.

Abstract

The article is devoted to key aspects of the development of the bill of exchange law in the Russian Empire in the eighteenth century. The purpose of the study is to show the evolution of the law enforcement practice of the magistrates due to the increase of the economic potential of the urban environment. The expansion of trade contacts and the improvement of the quality of education have changed the consciousness of the Russian merchant class. As the main source of protection of the interests businessmen became law instead of custom. Writing transactions began to be perceived as a guarantee of material stability, which contributed to the codification of disparate legislation on promissory notes. The main method of this research is the analysis of judicial practice of city magistrates of Kursk vicegerency. The study of the documents focused on their external and substantive aspects. Comparison of general imperial norms of law and the nature of law enforcement leads to the conclusion that the decisions of the imperial courts are of a case-law. City magistrates played the role of a key mechanism for testing the bill of exchange.

Ключевые слова: вексель, акцептователь, поручитель, векселедатель, магистрат, городничий, заемное письмо, должник.

Keywords: bill of exchange, acceptor, guarantor, maker, magistrate, town governor, loan letter, debtor.

Темпы юридизации вексельного права напрямую зависят от степени сформированности коммерческих коммуникаций. На территории западной и южной Европы многовековая внешнеторговая контактная способствовала ранней апробации безналичного рас-

чета [Захаров В.Н. 2005, с. 348–350; 1985, с. 179; 1984, с. 134]. По мнению С.М. Бараца, В.Е. Васильева, С.Ф. Литвиновой и ряда других исследователей, вследствие полукрепостного положения посадской общины и экономической безграмотности большинства купцов в России этот процесс разворачивался весьма медленно [Барац С.М. 1893, с. 21; Васильев В.Е., Литвинова С.Ф. 2010, с. 12; Ефимова Л.Г. 1994, с. 188; Казаков С.Д. 2011, с. 201–202; Кашин В.Н. 1926, с. 45; Цитович П.П. 2005, с. 18–19]. Продажа товара в долг активно практиковалась со времен Киевской Руси, однако до кон. XVII в. о письменном оформлении подобных сделок в источниках умалчивается [Мошенский З.С. 2005; Соколов С.Д. 2016, с. 343; Шерешеневич Г.Ф. 2005, с. 25; Табашников В.Г. 1891, с. 234]. Изучение княжеских грамот XV–XVI вв. и ранних источников права (судных грамот, Русской правды и т. п.) натолкнуло исследователей на мысль об отождествлении долговых операций с кабальным холопством и закупничеством. В обоих случаях основу правоотношений составляла личная зависимость субъекта посредством «заемных обязательств» [Сергеевич В.И. 1910, с. 11–18; Ключевский В.О. 1885, с. 13; Мейер Д.И. 2000, с. 446; Мошенский З.С., 348–375].

С кон. XVII в. развитие международной торговли способствовало постепенной апробации переводного векселя среди российских коммерсантов [Васильев В.Е., Литвинова С.Ф. 2010, с. 103]. Исходя из боярского приговора от 31 августа 1697 г., долговые расписки представляли один из способов оплаты таможенных пошлин¹. Как правило, подобный метод расчета использовали иностранцы, которые перекладывали свои денежные обязательства на гостей и сотни. Русские государи с недоверием относились к векселям, законодательно ограничивая масштаб их применения. Вслед за приговором 1697 г. наказ гостю Сергею Лабазному от 28 августа 1698 г. категорически запрещал принимать долговые расписки по таможенным сборам и вести переводные книги².

В петровские времена тенденция к европеизации изменила отношение к векселям. Настороженность к безналичным расчетам уступила место осознанию их положительных качеств [Козинцева Н.В. 1973, 268–270]. Переводные письма оберегали купцов от потери денежных средств вследствие небезопасности на дорогах и сдерживали вывоз капиталов за границу [Табашников И.Г. 1891, с. 4]. Оценив выгоду таких операций, государство всячески стремилось их контролировать.

Одним из методов надзора стало регулирование вексельных курсов³. В крупнейших портах подобные полномочия вверялись вице-губернаторам⁴. Во внутренних центрах составлением векселей занимались присяжные маклеры. Эти чиновники заседали в местном магистрате и контролировали законность долговых сделок. Согласно гл. XIX Регламента Главного магистрата 1721 г. замещение маклерских должностей осуществлялось посредством свободных выборов. Наибольший приоритет среди кандидатов отдавался образованным купцам, знавшим толк в коммерции⁵. Жалованье маклеров напрямую зависело от проделанной работы. Из средств, вносимых за написание векселей, им выплачивался фиксированный процент, величина которого устанавливалась магистратом по согласованию с Камер- и Коммерц-коллегиями. Данная сумма ассигновалась служащим по третям и не носила казенный характер⁶. С сер. 1770-х гг. для них стали выделять специальные дома,

¹ Боярский приговор от 31 августа 1697 г. № 1593 «О неприеме в таможно переводных писем на получение пошлины с явленных товаров, о недержании переводной книги и о недаче дальних сроков в уплате пошлин // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. III: 335.

² Наказ гостю Сергею Лазаревскому от 29 августа 1698 г. № 1641 «О сборе в Московской большой таможе пошлин» // ПСЗРИ. Т. III. П. 37: 468.

³ Устав вексельный от 10 мая 1729 г. № 5410 (далее – Устав) // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45 т. Т. VIII. П. 29: 165.

⁴ Указ Сената от 3 октября 1698 г. № 2434 «О предписании архангельскому вице-губернатору доставлять с каждою почтою в канцелярию Правительствующего Сената сведения о понижении и возвышении курса векселей в городе Архангельске» // ПСЗРИ. Т. III: 743.

⁵ Регламент, или Устав Главного магистрата от 21 января 1721 г. № 3708 // ПСЗРИ. Т. VI: 300.

⁶ Там же. 301.

«...пристойные для ведения дел...»¹. Подходящие строения определялись из общегородского жилищного фонда совместным решением магистрата, главного городского архитектора и наместнического правления².

Важным шагом на пути юридизации вексельного права было принятие 5 мая 1729 г. соответствующего устава (далее – устав, вексельный устав)³. Он регламентировал порядок оформления сделок, права и обязанности субъектов правоотношений, устанавливал сроки погашения задолженностей и возможные санкции. Устав охватывал широкий круг вопросов и был составлен на высоком юридическом уровне [Оппоков И.К. 1902, с. 1–6]. В неизменном виде он просуществовал до июня 1832 г.⁴, являясь одним из наиболее применяемых кодексов. Причиной его злободневности служила возросшая популярность векселей среди купечества [Павленко Н.И. 1978, с. 49–56].

В делопроизводстве Курского городского магистрата среди 1974 ед. хр. 1271 посвящена вексям. Аналогичная ситуация прослеживается при анализе описей ф. 236 «Обоянский городской магистрат» (564 из 698 ед. хр.) и ф. 107 «Курский губернский магистрат»⁵ (26 из 42 ед. хр.). Материалы, состоящие на хранении в Государственном архиве Курской области (далее – ГАКО), позволяют проследить региональные особенности вексельного права. Историография по данной тематике носит обобщающий характер. Как следствие, роль магистратов в указанном аспекте рассматривается весьма посредственно [Гордон В.М. 1926; Табашников И.Г. 1891].

В соответствии с «Учреждениями для управления губерний Всероссийской империи» (далее – учреждения) рассмотрением вексельных тяжб между купцами и мещанами занимались магистраты и состоявшие в их ведении словесные и сиротские суды⁶. Помощь в следственно-розыскных мероприятиях им оказывали городские старосты и полиция; надзирал за процессом городничий⁷. Со времен Новоторгового устава 1667 г. специализированные суды существовали и при городских таможнях⁸. В 1755 г. они были упразднены с делегированием полномочий словесным судьям⁹.

Согласно п. 3 устава векселя делились на внутренние (простые) и внешние (переводные)¹⁰. От вида заемного документа зависела не только структура его написания, но и состав участников сделки. Простые векселя, наиболее распространенные на внутреннем рынке, помимо должника (векселедателя) и кредитора (принимателя векселя) предусматривали свидетелей и поручителей. В случае с переводными, задействованными при внешнеторговых контактах, дополнительно требовались надписатель и акцептователь¹¹.

Процедура составления заемного письма носила стандартный характер. Как официальный документ вексель оформлялся в строгом соответствии с клише. В целях оптимиза-

¹ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 108. Оп. 8. Д. 227. Л. 263.

² ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 227. Л. 263.

³ См.: Устав вексельный от 10 мая 1729 г. № 5410 (далее – Устав вексельный) // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45 т. Т. VIII: 147–198.

⁴ См.: Высочайше утвержденный Устав о Вексях от 25 июня 1832 г. № 5462 // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. VII: 403–471.

⁵ ГАКО. Ф. 108 (Курский городской магистрат). Оп. 8; Ф. 107 (Курский губернский магистрат). Оп. 1; Ф. 236 (Обоянский городской магистрат). Оп. 1.

⁶ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. № 14392 // ПСЗРИ. Т. XX. Гл. XX. П. 277. С. 259, Гл. XXI. П. 293: 261.

⁷ Там же: 262.

⁸ Новоторговый устав от 22 апреля 1667 г. № 408 // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. I: 677–691.

⁹ Указ Сената от 5 мая 1754 г. № 10222 «О бытии словесному суду между купцами в Москве и в прочих городах под ведомством магистратов и ратуш, определяя в оный суд по два человека из купечества по выбору, и о назначении на ярманки, сверх выборных, из магистратских и ратушских членов по одному человеку; о писании контрактов на гербовой бумаге и о нечинении обид и притеснений купцам, приезжающим на ярманки» // ПСЗРИ. Т. XX. СПб., 1830: 66–67.

¹⁰ Устав вексельный. Гл. III: 182.

¹¹ Там же. Гл. I. П. 3: 150.

ции правоприменения образцы максимально учитывали вариативность обстоятельств и прилагались к гл. III устава¹. Обязательным требованием было именование сторон, указание на время и место составления заемного письма, прописание суммы долга и сроков его погашения². Если векселедатель не обладал грамотностью, составление документа поручалось третьему лицу³. В подобных обстоятельствах на свидетелей возлагалась дополнительная ответственность за правильное оформление сделки. Малейшая ошибка или недосказанность приводили к затяжным судебным спорам, нередко заканчившимся разорением одной из сторон. В 1794 г. жертвой вексельной махинации стал богатенский мещанин Н.П. Алутин. Не имея возможности самостоятельно рассчитаться с долгами, он обратился к купцу А. Варварову. При написании векселя безграмотный Алутин доверился кредитору и был обманут, так как прописанная сумма займа оказалась завышенной⁴.

Следующим шагом было протестование векселя. Эта процедура не считалась обязательной и производилась лишь при нарушении срока займа. По истечении пяти дней кредитор обращался к публичному нотариусу или «... таможенному, или ратушскому канцеляристу, или выборному из числа лучших людей...»,⁵ который отправлялся в дом должника. В случае мотивированного отказа от уплаты вексель протестовался. Последовательность процесса поэтапно прописывалась в п. 10 гл. I устава. За приложением нотариальной печати составлялось два экземпляра протеста. Одна копия вручалась истцу, другая хранилась у ответчика. Обязательным условием считалось привлечение свидетелей⁶. Как и вексель, протест оформлялся по строго установленной форме: «[дата] по требованию [ФИО кредитора] ходил я [ФИО нотариуса] с подлинным векселем для требования платежа. При нижеподписавшихся свидетелях, а равно и поручителя, платеж не получил, и за честь его никто не явился. Для охранения вексельного права надлежащим образом протестовал. И сей протест с приложением нотариальной печати оному [ФИО должника] отдал. Свидетелем выступил магистратский писец [ФИО]. Копию списал копейист [ФИО]»⁷.

Замещение должности городского нотариуса осуществлялось «... по определению Главного магистрата и по желанию городского головы и посадского схода...»⁸. Соискатели подавали прошение на имя генерал-губернатора, который поручал магистрату составить «обстоятельный рапорт о личности кандидата»⁹. Жалованье нотариусам начислялось из общественных денег в размере 150 руб. / год¹⁰. Освобождали от должности или по решению посадского схода, или по заявлению самого служащего. Если казенных долгов за ним не состояло, нотариус получал расчет и аттестат¹¹. Результаты своей деятельности служащие фиксировали в «Книге учета протестованных векселей»¹². Ежегодно этот документ отправлялся в магистрат с приложением рапорта «... принять оную книгу в архив и выслать новую»¹³. «За шнуром и печатью и скрепой магистратского секретаря»¹⁴ «белая книга»¹⁵ отсылалась в нотариальную контору.

Если фигуранты сделки не могли договориться самостоятельно, дело передавалось в местный магистрат. Иск потерпевший мог подать как самостоятельно, так и через посредничество нотариуса, словесного или сиротского судьи. В последнем случае составлялось

¹ Устав вексельный. Гл. I. П. 2: 150.

² ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 529. Л. 7 об.

³ Там же. Л. 7 об.

⁴ ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 625. Л. 1.

⁵ Устав вексельный. П. 10. Гл. I. С. 154.

⁶ Там же. С. 154.

⁷ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1366. Л. 249 об.

⁸ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 88. Л. 305.

⁹ Там же. Л. 303.

¹⁰ Там же. Л. 306.

¹¹ ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 7. Л. 279 об.

¹² ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 211, 226, 251.

¹³ ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 24. Л. 145.

¹⁴ Там же. Л. 146.

¹⁵ Там же. Л. 146.

объявление на имя городничего, к которому прилагались копии с исковой жалобы и протеста¹. Специализация судебной системы требовала обязательного уточнения сословного положения фигурантов. В октябре 1790 г. производство по вексельному делу между обоянцами И.М. Сухановым и Д.Д. Мальцевым было временно приостановлено, поскольку в документах упускалось их происхождение. Городничий Г.Ф. Федершилль потребовал от магистрата соответствующей справки: «буде подлинно окажется, что Иван Суханов мещанин, а Мальцев купец... поступить по законам»². 15 ноября было прислано подтверждение: «...если в отношении Суханова все изъяснено, то Мальцева не сыскали, а его отец показал, что он в Херсоне. При этом купец И.П. Пахомов подтвердил, что он состоит в купечестве»³.

Сложные вексельные дела могли затягиваться на долгие годы. Поэтому для новых членов присутствия составлялись специальные ведомости «О количестве решенных и нерешенных гражданских и уголовных дел» с указанием причин неудовлетворения исков. Нередко в качестве оправдания купцы и мещане ссылались на единовременную задолженность нескольким кредиторам. Указом от 5 августа 1792 г. Курское наместническое правление требовало взыскать долг с купца М. Немченкова в пользу мещанина А. Зубкова. В своем объяснении от 21 ноября ответчик писал, что кроме займа истцу в 200 руб., он имеет другие векселя на сумму более 1000 руб. Поскольку взыскание осуществлялось в хронологической последовательности, удовлетворение претензии Немченкова временно откладывалось⁴. Также должники жаловались на непредвиденные убытки, как обокраденный купец Н.М. Мартаков⁵. А некоторые коммерсанты, избегая уплаты, прибегали к мошенничеству. В 1794 г. мещанин А.О. Сойников, задолжав купцам И. Машнину и П.И. Потапову, умышленно подписался под векселями «купцом», предложив в залог часть имения в г. Обояни. В процессе следствия выяснилось, что означенный гражданин к купеческому званию не причислен и живет в доме своей матери⁶.

На период следствия должники заключались в тюрьму, откуда могли освобождаться посредством внесения залога. В частности, за обоянского купца И. Варварова пришлось заплатить 6 руб.⁷. За оказание сопротивления при задержании обвиняемые лишались возможности выкупа, как произошло с курским торговцем А. Фатеевым. В феврале 1782 г. он подал апелляцию в губернский магистрат на «...содержание в тюремной избе без выпуска, где сидя претерпевает несносные болезни...»⁸. Однако в просьбе было отказано⁹. Средства на содержание колодников выделялись из казначейства. Поскольку растрата каралась по закону, служащие отчитывались за каждую копейку. Ими составлялись третные ведомости о количестве колодников, включавшие информацию о личности обвиняемого, сроке заключения, причине задержания и состоянии следствия¹⁰. Как показывает практика, в среднем на балансе магистрата состояло 2–3 колодника за каждую треть, которые на 90 % являлись вексельными должниками¹¹.

Наибольшую сложность представляли дела по переводным векселям. Расширение круга участников правоотношения и территориальных рамок сделки замедляли процесс разбирательства. Например, 24 октября 1780 г. Астраханский словесный суд рассматривал спор между курским купцом Ф. Денисовым и астраханским торговцем С. Лифенцовым. Заемное письмо истец получил по переводу от своего соотечественника И. Гапонцова, акцептовавшего вексель. Принимателем заемного письма являлся саратовский купец

¹ ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 531. Л. 1.

² ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 543. Л. 1.

³ Там же. Л. 5.

⁴ ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 562. Л. 1, 3.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 650. Л. 5 об.

⁷ ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 7. Л. 426.

⁸ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 339. Л. 484.

⁹ Там же. Л. 501.

¹⁰ ГАКО. Ф. 108. Д. 88. Л. 551.

¹¹ См.: Ф. 108. Д. 88. Л. 551; Д. 945. Л. 38; Д. 633. Д. 39.

Т. Малгин, а надписал астраханец П. Серебряков. Однако Лифенцов от погашения долга отказался, заявив, что платить обязан Малгин, связанный с Гапонцовым торговым контрактом¹. В конце месяца служащий курского магистрата П. Гладилин явился в дом Гапонцова, где узнал, что купец «...находится не в уме и в состоянии своем совсем поврежден...»². После медицинского освидетельствования диагноз подтвердился: «...онный оказался точно без ума, отчего с него ответа взять не можно»³.

Подобные случаи поднимали значимость института поручительства. Лица, готовые взять должника на поруки, требовались как при заключении простых векселей, так и при составлении переводных. Их присутствие являлось своего рода гарантией исполнения заемных обязательств⁴. Как правило, круг поручителей ограничивался родственниками векселедателя, близкими знакомыми или коммерческими партнерами⁵. Зачастую на долю таких граждан выпадала незавидная участь. В случае неплатежеспособности векселедателя они не только жертвовали денежными средствами, но и теряли имущество. В декабре 1781 г. однодворцу с. Жирово Курского у. Ф. Чернышеву в уплату долга племянника курского купца А.Ф. Слюднева пришлось отдать под залог свою дворовую девку⁶.

Смерть или умственное помешательство векселедателя также не обходили стороной поручителей. В указанном аспекте имелись свои тонкости, зависевшие от содержательной стороны завещания. 29 октября 1780 г. Курский городской магистрат разыскивал купца М.С. Полевого в целях истребования долга за его почившего созаемщика И.Н. Пузанова. Поскольку никакой собственности покойный после себя не оставил, единственным источником удовлетворения кредиторов являлись средства поручителя⁷. Если же после смерти заемщика оставался капитал, то в соответствии с п. 22 устава именно он являлся основным средством погашения долга⁸. В таких случаях магистрат назначал оценщиков, которые производили опись имущества векселедателя с последующим выставлением на торги. Для последних устанавливалось три срока, в течение которых «охочие люди» имели возможность приобрести имущество должника. Объявление об аукционе официально вывешивалось на дверях магистрата. Однако желающие находились не всегда. Например, хоромное строение курского мещанина Н. Филиппова пытались продать трижды, после чего магистрат обратился за помощью к городничему. Не стесненные в средствах граждане приглашались к торгам посредством именных билетов⁹.

Наряду с прочей собственностью векселя являлись неотъемлемой частью духовных грамот, и родственники за них рассчитывались соразмерно своей доли в наследстве. В марте 1781 г. Курский словесный суд вексельную задолженность умершего купца Ф. Сушкова разделил между его сыновьями в пропорции 1:2. Большую часть займа в 302 руб. предписывалось заплатить Ивану, наследовавшему отцовскую мельницу¹⁰. Аналогичные обязательства несли общественные организации в случае перехода капитала умершего в их собственность. 31 августа 1786 г. племянники купца 1 гильдии С.Ф. Белевцова обратились в магистрат с просьбой «...учинить, был ли покойный в своем уме»¹¹. Причиной послужил текст духовной грамоты, согласно которому коммерсант разделил свои средства между курским градским обществом и Ильинской церковью. В рапорте магистрата от 19 февраля 1787 г. значилось, что «...Белевцов был в совершенном уме и памяти»¹², чему свидетелями

¹ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 88. Л. 432–435.

² Там же. Л. 436.

³ Там же. Л. 437.

⁴ Там же. П. 9. С. 178.

⁵ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 339. Л. 338, 525, 526, 554.

⁶ Там же. Л. 190.

⁷ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 426. Л. 847.

⁸ Устав вексельный. П. 22. С. 161–162.

⁹ ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 24. Л. 134.

¹⁰ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 171. Л. 560.

¹¹ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 633. Л. 554.

¹² Там же. Л. 556.

были градской голова Голиков и бургомистр И. Полевой. Поскольку за покойным состоял вексельный долг в 1000 руб., то уплатить его предстояло названным инстанциям¹.

Наследование родительских долгов распространялось и на близких поручителя. 19 июля 1782 г. в Львовский нижний земской суд поступило прошение от курских купцов С. Хлапонина и Г. Пастухова, жаловавшихся на неуплату вексельного долга местным помещиком И.Ф. Резановым². Продажа с торгов имения заемщика дала лишь треть искомой суммы. В поиске недостающих средств земской суд обратился за помощью в магистрат с просьбой сыскать поручителя Резанова лейб-гвардии корнета А.А. Кондратьева³. По указу наместнического правления к делу привлекался Львовский уездный суд⁴. Выяснилось, что два года назад Кондратьев умер, оставив после себя имение и несколько торговых лавок. Означенная собственность перешла к вдове корнета Елизавете с малолетней дочерью Анной и по решению местной дворянской опеки была определена под управление опекуна Ф. Кусакова⁵. Ознакомившись с описью имущества Кондратьевой, наместническое правление распорядилось выделить из него 1/7 часть в уплату долга Резанова⁶.

Более всего от унаследованных векселей страдали вдовы. Многие из них лишались последних средств, вынужденные влачить жалкое существование. Так произошло с купчихами Н.Г. Форапоновой и М. Золотаревой, расплатившимися за беспечность мужей торговыми лавками и крепостными крестьянами⁷. А семейство мещанина П.И. Зюганова после расчета с кредиторами временно поселилось в Троицком монастыре⁸.

До выяснения обстоятельств о платежеспособности на движимое и недвижимое имущество покойного налагался арест. Наследники временно лишались доходов от торговли, сдаваемой в аренду собственности, не могли пользоваться средствами транспорта. Например, в апреле 1780 г. у родственников болховского купца А. Коробкова была конфискована лошадь с упряжью⁹, лавки купца С.Ф. Белевцова в Мяскотинном ряду были временно закрыты, а курский мещанин М. Умрихин лишился бани¹⁰.

За подробность имущественного реестра ратманы несли ответственность не только перед кредиторами, но и перед местным городским сообществом. Расплата за частные долги «всем миром» практиковалась довольно часто, поэтому опрос свидетелей, ревизия приходо-расходной документации должника, отправка запросов в сведущие инстанции производились с особой тщательностью. Например, в опись имущества курского купца А.Ф. Фатеева за июнь 1782 г. помимо доходов от водяной мельницы и воскобойни в 1308 р. / год, попали образы Святых, а также предметы одежды и утвари (платья, оловянная посуда)¹¹. А у богатенского мещанина С.А. Борзасекова конфисковали золотые часы и фамильную брошь¹². Также периодически практиковалась отработка займа. К примеру, с 1784 по 1786 год курский купец М.И. Ветчинин прослужил поверенным по торговым делам у своего кредитора И.Г. Назарова¹³.

Выбор лица, ответственного за погашение займа, всецело зависел от содержания духовной векселедателя. При этом место проживания наследников существенной роли не играло: вместе с имуществом покойного автоматически переходили и долги. 8 марта 1781 г. во II департамент Курского губернского магистрата поступило челобитье от пору-

¹ Там же. Л. 556 об.

² ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 28. Л. 1, 5, 9, 13.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 23.

⁶ ГАКО. Л. 71.

⁷ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 227. Л. 100; Д. 8. Л. 353 – 355.

⁸ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 633. Л. 777–778.

⁹ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 426. Л. 554.

¹⁰ ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 27. Л. 156.

¹¹ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 227. Л. 362–363.

¹² ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 571. Л. 3 об.

¹³ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 339. Л. 144–155 об.

чика из сл. Новоселицы Азовского наместничества Н. Плакиды с просьбой возместить вексельный долг за умершего купца Ф.А. Князькова. Несколькоми годами ранее покойный был причислен в екатеринославское купечество, однако оставшееся после него наследство перешло в руки отца курского купца А.А. Князькова. В соответствии с вексельным уставом и указом от 30 июля 1762 г.¹ магистрат произвел опись имущества покойного с его последующей выставлением на торги². В таких случаях нехватка средств от продажи не возмещалась за счет местной купеческо-мещанской корпорации. Если магистрат не находил поручителей, кредиторы получали официальное уведомление о невозможности удовлетворения иска, а их тяжбы зачислялись в опись нерешенных гражданских дел³.

В случае длительного отсутствия должника кредиторы подавали заявление на розыск. Ответственные векселедатели оставляли верющие письма с указанием лиц, которым доверяли расплатиться⁴. При иных обстоятельствах ратман проверял книгу выдачи проезжих паспортов и отправлял нарочного в пункт возможного пребывания векселедателя. С выписанной подорожной посыльный шел в канцелярию за получением путевого довольствия. За каждый проделанный шаг он подробно отчитывался перед магистратом, который вел переписку со всеми заинтересованными инстанциями. Если поиски должника не увенчивались успехом, он объявлялся «умершим», а погашение займа возлагалось на родственников, поручителей или раскладывалось между общинниками⁵. Во избежание подобных казусов родственники заранее оповещали магистрат о неплатежеспособности своих близких. 9 ноября 1781 г. по просьбе купца Г.Ф. Скулибина Вологодское наместническое правление разослало письма в окрестные города, «...чтоб никто его родному сыну, находящемуся с ним не в разделе, без его дозволения не верил и векселей не принимал»⁶. В таких обстоятельствах материальная ответственность либо полностью возлагалась на поручителя, либо кредит аннулировался за неудовлетворением заимодавца⁷.

Перспектива расплаты за чужие долги выглядела малопривлекательной. Неудивительно, что подавляющее большинство апелляционных дел, присылавшихся в Курский губернский магистрат, затрагивало решения по векселям. Согласно ведомости за 1793 г. из 27 майских жалоб долговым распискам посвящалось 23⁸, в июле из 21 искового дела они составляли 17⁹, в декабре – 22 из 24¹⁰. Пересмотр дела расценивался в 25 коп. расходной пошлины,¹¹ сбора за приложение восковой печати в 1–2 коп. и платы за гербовую бумагу стоимостью 4 коп. за лист¹². Каждая апелляционная жалоба сопровождалась описью дела с указанием порядка разбирательства и количества страниц. Согласно ведомостям за февраль 1786 г. «О деньгах, поступивших за гербовую бумагу» самые продолжительные тяжбы занимали 26–28 л.¹³. Высокая стоимость процедуры сужала круг лиц, желавших пересмотреть вынесенный вердикт.

Тем не менее обращения в вышестоящие инстанции не были редкостью. Фигурирование по вексельной тяжбе ставило пятно на репутации коммерсантов. По этой причине курскому купцу Ф. Кривоперстову было отказано в проезжем паспорте и аттестате¹⁴.

¹ Именной указ от 30 июля 1762 г. № 11629 «О правилах производства апелляционных дел» // ПСЗРИ. Т. XVI: 29–30.

² ГАКО. Ф. 108. Д. 171. Л. 540–545.

³ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8 Д. 536. Л. 542.

⁴ Там же. Л. 67.

⁵ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 426. Л. 873.

⁶ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 171. Л. 39.

⁷ Там же. Л. 40.

⁸ ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 42 об. – 43.

⁹ Там же. Л. 60–66.

¹⁰ Там же. Л. 95 об. – 107.

¹¹ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 410. Л. 243.

¹² ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 9.

¹³ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 945. Л. 58.

¹⁴ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 849. Л. 49.

Коммерсанта М. Бочерова неоплаченный вексель лишил возможности служить в Нежинском словесном суде¹, а мещанин А. Расторгуев не смог перевестись в состав обоянского купечества². Скрупулезность городской общины объяснялась весьма просто: она несла материальную ответственность за своих членов. Даже пропорциональная раскладка долговой суммы не спасала семейный бюджет. С целью минимизации разорений общинников магистрат ежегодно составлял ведомости учета лиц мещанского и купеческого сословий с указанием членов их семей и размера капитала³.

Наиболее часто посадской сход расплачивался по векселям рекрут и лиц, задолжавших казне. В первом случае община была напрямую заинтересована в благополучной отправке горожанина на службу, поскольку пополнение армии входило в обязанности каждого сословия. Но если сумма долга являлась слишком отяготительной, городской магистрат просил шестигласную думу заменить кандидата. Например, в 71-й рекрутский набор в 1799 г. вместо мещанина Ф.И. Уткина в действующую часть был направлен купеческий сын М. Калинин⁴. За попытки уклонения от материальных обязательств городское сообщество отвечало по закону. В 1777 г. обоянский купец И.Ф. Такорев просил магистрат отсрочить призыв в армию мещан П. Сагорева и В. Мартакова до момента расплаты с ним по векселям⁵. В ответ градской староста А. Зиборов пообещал, что за рекрут рассчитается общество. Однако до 1791 г. денег Такорев так и не получил, вследствие чего обратился в суд⁶.

Процедура погашения вексельного займа рассчитывалась на минимизацию разорения должника. По разным причинам векселя могли повреждаться, вследствие чего составлялись дубликаты. На каждом экземпляре делалась пометка «копия» с указанием номера⁷. По факту закрытия займа на документе производилась соответствующая пометка с выдачей его векселедателю, а дополнительные экземпляры уничтожались. Беспечность при оформлении документации развязывала руки мошенникам. Чрезмерное доверие обоянского купца С.А. Слуницына своему кредитору И.Т. Такореву сыграло с ним злую шутку. После получения денег займодавец не вернул вексель, сославшись на его хранение в доме сына⁸. Спустя месяц, Слуницына заключили в тюремную избу. Причиной послужило обвинение Такорева в вексельной задолженности. К заявлению прилагалось заемное письмо с протестом⁹. Выяснилось, что старый вексель кредитор не уничтожил, и никаких доказательств о погашении кредита у Слуницына нет. В связи с этим магистрат приговорил его к повторной оплате, учинив опись имущества¹⁰. Попытка апелляции успехом не увенчалась¹¹. Особую внимательность должникам следовало проявлять при рассредоточенном погашении векселя. В июне 1791 г. курский купец И. Соколов обвинил коммерсанта И.Т. Такорева в неуплате долга. На допросе в обоянском магистрате ответчик заявил, что дважды заплатил по 30 руб., оставаясь должным еще 55, «... но по свидании с Соколовым в Харькове отдал ему рогожные кули на 60 руб., за что получил сдачи 5 руб...»¹². Несмотря на клятвенное обещание перед «святой церковью»¹³ уничтожить вексель, торговец решил воспользоваться им повторно.

Таким образом, магистраты были неотъемлемым институтом апробации безналичного расчета в Российской империи. Самостоятельно и через подчиненные им инстанции

¹ ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 7. Л. 105.

² ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 426. Л. 1 об.

³ ГАКО. Ф. 236. Д. 25. Л. 5, 6–7 об.

⁴ ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1937. Л. 4.

⁵ ГАКО. Ф. 236. Д. 546. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Устав вексельный. П. 5: 151.

⁸ ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 610. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 45.

¹⁰ Там же. Л. 78.

¹¹ ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.

¹² ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 559. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 2.

они способствовали модернизации сознания отечественного купечества, которое меняло свое отношение к ведению дел и стремилось искать протекции под эгидой закона. Кодификация вексельного права стала одновременно следствием и одним из факторов развития коммерческих отношений, качество становления которых напрямую зависело от степени их юридической защищенности. Верша суд, магистраты руководствовались нормами права и морали, стараясь максимально учитывать все обстоятельства тяжбы. Этот факт создавал массу прецедентов, что делало процесс судопроизводства более гибким и гуманным. Справедливость и беспристрастность по отношению ко всем фигурантам дела провозглашались главными принципами деятельности судей.

Список литературы References

1. Барац С.М. 1893. Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. СПб.: Тип.т-ва «Обществ. польза, 792. 21.
Barats S.M. 1893. Kurs vekselnogo prava v svyazi s ucheniem ovekselyah I veksel'nih operatsiyah. SPb.:Tip. t-va «Obshchestv. polza, 792. (in Russian)
2. Васильев В.Е., Литвинова С.Ф. 2010. Вексель как инструмент современного финансового рынка и его правовая природа. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 121.
Vasil'ev V.E., Litvinova S.F. 2010. Veksel kak instrument sovremennogo finansovogo rynka i ego pravovaya priroda. Ussuriisk, Izd-vo UGPI, 121. (in Russian)
3. Гордон В.М. 1926. Вексельное право. Сущность векселя, его составление, передача и протест. Харьков, 324.
Gordon V.M. Vekselnoye pravo. Sushchnost' veksel'ya, ego sostavlenie, peredacha i protest. Narkov, 324. (in Russian)
4. Ефимова Л.Г. 1994. Вексель и вексельное обращение в России. М., Норма, 218.
Efimova L.G. 1994. Veksel I vekselnoye obrashcheniye v Rossii. M., Norma, 218. (in Russian)
5. Захаров В.Н. 2005. Западноевропейские купцы в Российской торговле XVIII века. М., Наука, 716.
Zaharov V.N. 2005. Zapadnoevropeyskie kuptsy vrossiyskoy torgovle XVIIIveka M., Nauka, 716. (in Russian)
6. Захаров В.Н. 1985. Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII – первой четверти XVIII вв. Исторические записки. Т. 112: 177–214.
Zaharov V.N. 1985. Torgovlya zapadnoevropeyskih kuptsov v Rossii v kontse XVII – pervoy chetverti XVIII vv. Istoricheskiye zapiski. T. 112: 177–214. (in Russian)
7. Захаров В.Н. Товарно-кредитные операции западноевропейских купцов на русском рынке в начале XVIII в. Русский город. Вып. 7. М., Изд-во Моск. ун-та: 127–149.
Zaharov V.N. 1984. Tovarno-kreditniye operatsii zapadno-evropeyskih kuptsov na russkom rynke v nachale XVIII v. Russkiygorod. Vyp. 7. M., Izd-voMosk. un-ta: 127–149. (in Russian)
8. Казаков С.Д. 2011. Развитие вексельного права в России. Вестник Чувашского университета. 200–203.
Kazakov S.D. 2011. Razvitie vekselnogo prava v Rossii. Vestnik Chuvashskogo universiteta. 200–203. (in Russian)
9. Кашин В.Н. 1926. Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., КУБУЧ, 93.
Kashin V.N. 1926. Torgovlya I torgovyi capital v Moskovskom gosudarstve. L., KUBUCH, 93. (in Russian)
10. Ключевский В.О. 1885. Происхождение крепостного права в России. В кн.: Русская мысль. Кн. VIII: 11–18.
Kluhevskiy V.O. 1885. Proishoghdenie krepostnogo prava vRossii. Vkn.: Russkaia misl. Kn. VIII: 11–18. (in Russian)
11. Козинцева Р.И. 1973. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. Исторические записки. Т.91: 267–337.
Kozintseva R.I. 1973. Uchastie kazny vo vneshney torgovle Rossii v pervoy chetvtrti XVIII v. Istoricheskiye zapiski. T. 91: 267–337. (in Russian)
12. Мейер Д.И. 2000. Очерк русского вексельного права. М., Статут, 514.
Meyer D.I. 2000. Ocherk russkogo prava. M., Statut, 514. (in Russian)

13. Мошенский З.С. 2005. Эволюция векселя. Киев-Ровно, Планета-Друк: 348–375.
Moshenskiy Z.S. 2005. Evolyuciya vekselya. Kiev-Rovno, Planeta-Druk: 348–375. (in Russian)
14. Опопов И.К. 1902. Устав о векселях с извлечениями из законодательных мотивов и решений Правительствующего Сената, с параллельными текстом вексельного устава издания 1893 года. М., Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 90.
Oppokov I.K. 1902. Ustav o vekselyah s izvlecheniyami iz zakonodatelnykh motivov i resheniy Pravitelstvuyushchego Senata, s parallelnim tekstom veksel'nogo ustava izdaniya 1893 goda. M., Tip. G. Lissnera i A. Geshelya, 90. (in Russian)
15. Павленко Н.И. 1978. Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII в. История СССР. 3: 49–69.
Pavlenko N.I. 1978. Torgovo-promyshlennaya politika Rossii v pervoy chetverti XVIII v. Istoriya SSSR. 3: 49–69. (in Russian)
16. Сергеевич В.И. 1910. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., Тип. М.М. Стасюлевича, 680.
Sergeenich V.I. 1910. Lekzii i issledovaniya po drevnei istorii russkogo prava. SPb., Tip. M.M. Stasulevicha, 680. (in Russian)
17. Соколов С.Д. 2016. О развитии вексельного права в России до принятия Устава вексельного 1729 года. Вестник Нижегородского института МВД России. 2 (34): 342–345.
Sokolov S.D. 2016. O razvitii veksel'nogo prava v Rossii do prinyatiya Ustava veksel'nogo 1729 goda. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta MVD Rossii. 2 (34): 342–345. (in Russian)
18. Табашников И.Г. 1891. Прошлое векселя. Историко-юридическое исследование. Одесса: Тип. Окр. Шт. Од. воен. окр., VII, IV: 446.
Tabashnikov I.G. Proshloye vekselya. Istoriko-yuridicheskoye issledovaniye. Odessa: Tip. Okr. Sht. Od. voen. okr., VII, IV: 446. (in Russian)
19. Цитович П.П. 2005. Труды по торговому и вексельному праву: в 2 т. Т. II: Курс вексельного права. М., Статут, 18–19.
Tsitovich P.P. 2005. Trudi potorgovomu i veksel'nomu pravu: v 2 t. T. II: Kurs veksel'nogo prava. M., Statut, 18–19. (in Russian)
20. Шершеневич Г.Ф. 2005. Курс торгового права. Т. III. Вексельное право. Морское право. М., Статут, 412.
Shershenevich G.F. 2005. Kurs torgovogo prava. T. III. Veksel'noye pravo. Morskoye pravo. M., Statut, 412. (in Russian).

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Ефремова И.С., Мошкин А.Н. 2019. Развитие вексельного права в Российской Империи в XVIII в. (по материалам делопроизводства магистратов курского наместничества). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 46 (2): 286–296. Doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-2-286-296.

Efremova I.S., Moshkin A.N. 2019. The development of bill of exchange law in the Russian empire in XVIII century (by materials of magistrates' office work of the Kursk region). Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 46 (2): 286–296 (in Russian). Doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-2-286-296.